

Ай во том во городи во Рязанюшки,
Доселева Рязань-то слободой слыла,
Нонече Рязань-то словё городом.
В той-то Рязанюшке во городе
Жил-был Никитушка Романович.
Живучись, братцы, Никитушка состарился,
Состарился Никитушка, сам преставился.
Еще жил-то Никита шестьдесят годов,
Снес-де Никита шестьдесят боев,
Еще срывочных, урывочных числа-смету нет.
Оставалась у Никиты любима семья,
Ай любима семья-та – молода жена,
Молодыя Амельфа Тимофеевна;
Оставалось у Никиты чадо милое,
Милое чадушко, любимое,
Молодыя Добрынюшка Никитич сын.
Остался Добрыня не на возрасте,
Ка-быть ясный-от сокол не на взлете,
И остался Добрынюшка пяти-шти лет.
Да возрос-де Добрыня-та двенадцать лет,
Изучился Добрынюшка вострой грамоте,
Научился Добрынюшка да боротися,
Еще мастер Никитич а крутой метать,
На белы-ти ручки не прихватывать.
Что пошла про ёго слава великая,
Великая эта славушка немалая
По всим городам, по всим украинам,
По тем-то ордам по татаровям;
Доходила эта славушка великая
Ай до славного города до Муромца,
До стары казака-та Ильи Муромца, -
Что мастер Добрынюшка боротися,

А крутой-де метать на сыру землю;
Еще нету такова борца по всей земли.
Стал тогда Илеюшка собиратися,
Еще стал тогда Илеюшка собронятися
Ай на ту-эту на славушку великую,
На того же на борца на приудалого.
Он седлал, уздал тогда коня доброго,
Ай накладывал уздицу-ту тесмяную,
Ай наметывал седельшко черкасское,
Да застегивал двенадцать вси подпружины,
Застегивал двенадцать вси спенёчки:
Ай подпружины-ти были чиста серебра,
Да спенёчки-ти были красного золота.
И сам тогда стал сбруе приговаривать:
«Булат-железо не погнется,
Самохинский-о шелк сам не порвется,
Еще красно-то золото в грязи не ржавеет».
Только видели Илеюшку собираючись,
Не видели поездочки Ильи Муромца;
Только видели – во поле куревушка вьет.
Он здорово-то ехал поле чистое,
И здорово-то ехал лесы темные,
И здорово-то ехал грязи черные.
Еще едет ко Рязанюшке ко городу;
Ко городу ехал не дорогою,
Во город заезжае не воротами, -
Конь скакал же через стену городовую,
Мимо ту же круглу башню наугольную,
Еще сам же говорил тогда таково слово:
«Ай доселева Рязань-то слободой слыла,
И нонече Рязань-то слывет городом».
Увидал-то он маленьких ребятушек,

И сам говорил им таково слово:

«И скажите вы, живет где-ка Добрынюшка?»

Доводили до Добрынина широка двора:
У Добрынюшки двор был неогромистый,
Ай подворьице-то было необширное,
Да кричал-то он, зычал зычным голосом,
Ай во всю жа богатырску буйну головушку;
Еще мать сыра земля под ним потрясалася,
Ай Добрынина избушка пошатилася,
Ставники в его окошках помитусились,
Стеколенки в окошках пощербались.

«Э ли в доме Добрынюшка Никитич сын?»

Услыхала-де Амельфа Тимофеевна,
Отпирала-де окошочко косищато
И речь говорила потихошеньку,
Да сама же говорила таково слово:

«Уж и здравствуй, восударь ты, да Илья Муромец!

Добро жаловать ко мне-ка хлеба-соли исть,
Хлеба-соли ко мне исть, вина с медом пить».

Говорил восударь тогда Илья Муромец:

«Еще как меня знашь, вдова, ты именем зовешь,
Почему же ты меня знашь из отечества?»

Говорила Амельфа Тимофеевна:

«И знать-то ведь сокола по вылету,
Еще знать-то богатыря по выезду,
Еще знать молодца ли по поступочки».

Да немного-де Илеюшка разговаривал:

Еще речь говорит – коня поворачиват.

Говорила-де Амельфа Тимофеевна:

«Уж ты гой есть, восударь ты, Илья Муромец!

Ты не буди ты спальчив, буди милослив:
Ты наедешь как Добрынюшку на чистом поли,

Не сруби-тко Добрынюшке буйной головушки;
Добрынюшка у меня ведь молодешенек,
На речах у мя Добрынюшка зашибчивый,
На делах у мя Добрынюшка неуступчивый».

Да поехал восударь тогда во чисто поле.

Он выехал на шоломя на окатисто,

На окатисто-то шоломя, на угористо,

Да увидел под восточной под стороночкой –

Еще ездит дородный добрый молодец,

Потешается потехами веселыми:

Еще мечет свою палицу боёвую,

Да на белы-ти рученьки прихватывал,

Ай ко палице своей сам приговаривал:

«Уж ты палица, палица боёвая!

Еще нету мне тепере поединщика,

Еще русского могучего богатыря».

Говорил восударь тогда Илья Муромец:

«Уж те полно, молодец, ездить, потешатися,

Небылыми словами похвалятися!

Уж мы съедемся с тобой на поле, побратаемся,

Ай кому-то де на поле буде Божья помощь».

Услыхал во Добрынюшка Никитич сын,

Ото сна будто Добрынюшка пробуждается,

Поворачивал своего коня доброго.

А как съехались богатыри на чистом поли,

Ай ударились они палицами боёвыми,

И друг дружки сами они не ранили

И не дали раны к ретиву сердцу.

Как тут съехались во второй након,

Ай ударились они саблями-ти острыми

Они друг дружки сами не ранили,

Еще не дали раны к ретиву сердцу.

А как съехались богатыри во третьей након,
Ударились ведь копьями мурзамецкими,
Еще друг-то дружки сами не ранили,
Еще не дали раны к ретиву сердцу,
Только сабли у них в руках поломались.
Да скакали через гривы-ти лошадиные,
Ай схватилися богатыри большим боём,
Ай большим-то боём да рукопашосным.
Да водилися богатыри по первый час,
Да водилися богатыри по второй час,
Ай водилися богатыри ровно три часа.
Да по Божьей было всё по милости,
По Добрынюшкиной было да по участи:
Подвернулась у Илеюшки права ножечка,
Ослабла у Илеюшки лева ручушка;
Еще пал-то Илеюшка на сыру землю;
Еще сел тогда Добрыня на белы груди,
Сам он говорил ему таково слово:
«Уж ты вой еси, дородный добрый молодец!
Уж ты коего города, какой земли,
Какого сын отца ты, какой матери,
И как, молодца, тебя именем зовут,
Еще как звеличают из отечества?»
Говорит восударь-о Илья Муромец:
«Ай сидел-от кабы я у тя на белых грудях,
Не спросил бы я ни родины, ни вотчины,
А спорол бы я твои да груди белые.
Досмотрил бы я твоёго ретива сердца».
Говорил-то Добрынюшка во второй након;
Говорил тогда Никитич во третей након;
Говорил же восударь тогда Илья Муромец:
«Уж как езжу я из города из Киева,

Ай старый-де я казак-тот Илья Муромец,
Илья Муромец я ведь сын Иванович».
Да скакал тогда Добрынюшка со белых грудей,
Берё-де Илеюшку за белы руки,
Ай целуё в уста-ти во сахарные:
«Ты прости меня, Илеюшка, в таковой вины,
Что сидел у тебя да на белых грудях!»
Еще тут-де братаны-ти поназванелись:
Ай крестами-ти сами они покрестовались;
Ай Илеюшка-то был тогда ведь больший брат,
Ай Добрынюшка-то был тогда а меньший брат,
Да скакали ведь они на добрых коней,
Ай поехали, братаны, они в Рязань-город
Ай ко той они ко Добрыниной родной матушке.
Да встречает их Амельфа Тимофеевна.
Приехали братаны из чиста поля,
Они пьют-то тогда сами, проклаждаются.
Говорил же восударь тогда Илья Муромец:
«Уж ты гой еси, Амельфа Тимофеевна!
Ты спусти-тко-се Добрынюшку Никитича,
Ты спусти-тко его ты да в красен Киев-град».
Да поехали братаны в красен Киев-град,
А к тому же-де князю ко Владимиру.